

Научная статья

УДК 111+141

doi: 10.17223/1998863X/87/3

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ПРЕДЕЛАХ» ДЕКОНСТРУКЦИИ ОНТОЛОГИИ

Игорь Александрович Девайкин

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Москва, Россия,
igor.devaykin@mail.ru

Аннотация. В статье описываются «пределы» деконструкции онтологии. Пределы концептуализируются в качестве таких недеконструируемых жестов деконструкции, которые указывают на «зависимость» деконструкции от онтологии. Главным образом в работе обсуждается нередуцируемая фаза деконструкции – перевертывание.

Ключевые слова: деконструкция, онтология, перевертывание, Жак Деррида

Для цитирования: Девайкин И.А. Несколько слов о «пределах» деконструкции онтологии // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2025. № 87. С. 27–34. doi: 10.17223/1998863X/87/3

Original article

A FEW WORDS ABOUT THE “LIMITS” OF ONTOLOGY DECONSTRUCTION

Igor A. Devaykin

Moscow Engineering Physics Institute, Moscow, Russian Federation, igor.devaykin@mail.ru

Abstract. The key phase of deconstruction is “reversal”, i.e., the denial of any ontological postulates and terms. The stake of deconstruction is to write out the possibility and inevitability of such a practice of reading texts that would be free from ontology. At the same time, deconstruction works on the “fields” of ontology, but this cannot be called the preservation of ontology, since it is reversal (denial) that remains the monotonously occurring phase of deconstruction. In addition, in “Derrida’s texts” there are many statements that deconstruction moves beyond the “limits of ontology”. The object of the study is this decisive phase of deconstruction – reversal. The article offers a view of deconstruction as a practice that has “limits” to such a denial. Limits are understood as non-deconstructible gestures of deconstruction that “liken” deconstruction to ontology. Deconstruction has an irreducible phase, “reversal”, which consists in the negation of binary opposition. Reversal is “introduced” by deconstruction as a “necessary”, i.e., non-eliminable, gesture. At the same time, the necessity of reversal cannot be “derived” from the reversal of a certain set of cases; therefore, this phase becomes similar to a number of ontological propositions, the certainty of which tradition could not “demonstrate” in principle and took them on faith. The “monotony” and “systematicity” of reversal can also be likened to the “sequence” that is usually required of ontological theories. Deconstruction conceptualizes ontology as something unified, i.e., in the manner of ontology itself. The science of archi-writing (the figure of achievement and writing of which is deconstruction) strives to be a “science of sciences”, which relates this science to ontology. In addition, deconstruction is marked in the language of ontology as “original”, “primary”, “initial”, etc. Deconstruction is forced to deny something, not nothing; therefore, its limit, among other things, is the very concepts and provisions of ontology, thanks to which deconstruction functions. All this is the limit of ontology. Also, deconstruction, in addition to denial, has a conceptualization phase,

but ontology could not do without the desire to produce meaning. Finally, deconstruction is apparently limited only by texts and this is its limit, but if not (and deconstruction extends to extra-textual reality), then we will have to face a number of pragmatic difficulties in everyday life, which are the result of deconstructing the legal system. Despite the statement of deconstruction about leaving the boundaries of ontology, it continues to “depend” on ontology and have some limits of its own strategy.

Keywords: deconstruction, ontology, presence, Jacques Derrida

For citation: Devaykin, I.A. (2025) A few words about the “limits” of ontology deconstruction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 87. pp. 27–34. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/87/3

Деконструкция представляет собой «практику чтения текстов» [1. С. 12], в ходе которой продумывается история «концептов (онтологии. – Д.И.) самым последовательным, самым вдумчивым образом» [1. С. 14–15] и выявляется то, что «эта история могла скрывать или воспрещать» [1]. Тексты, пользующиеся онтологической терминологией (т.е. тексты всей «классической» традиции европейской философии), блокируют «работу» того, чего нет, что не существует, в явном виде постулируя лишь то, что существует. Испокон веков онтология строит модель того, что есть, концептуализируя то, чего нет, лишь в качестве бледной копии того, что есть.

Онтология вводит набор понятий, которые наделяются статусом существования, и одно из таких понятий получает особую привилегию, становясь центральным для той или иной онтологической матрицы. Центральным в том смысле, что от наличия этого термина зависит существование всех остальных терминов, но сам он от них не зависит. Отсюда история онтологии – это история «различных определений центра» [2. С. 449], где «последовательно и упорядоченно центр принимает различные формы и получает различные имена» [2]. Исторически место подобных центров занимали понятия Единого, Бога, субъекта, субстанции и т.д. [3]. Эти термины являлись нередуцируемыми, или, что то же самое, должны были исключать свое несуществование. Значит, запрет на собственное небытие стал условием их бытия. Почему бы не попытаться пристальнее продумать это несуществование? Насколько успешно можно концептуализировать несуществование?

Деконструкция стремится указать на невозможность автономного существования какого бы то ни было онтологического понятия, а значит, и невозможность онтологии как таковой. Следовательно, стоит постепенно (и очень осмотрительно) отходить от онтологической терминологии и избегать введения онтологических положений. Но возможно ли выписывать невозможность онтологии «последовательно», т.е., отказываясь от онтологии, не воспроизводить какие-то ее «элементы»? Во всяком случае деконструкция претендует именно на это. Думаю, что стоит более обстоятельно поразмыслить над «стратегией деконструкции» [1. С. 49], чтобы «понять», выполняются ли ею те требования, которые она перед собой ставит.

Деконструкция «безвозвратно покидает ее (онтологии. – Д.И.) пределы» [4. С. 28], т.е. отменяет онтологию, и выражено это, пожалуй, рельефнее всего в жесте отрицания понятийного аппарата онтологии, а также любых онтологических положений. Ключевой жест деконструкции разрушает факт существования онтологического понятия. Негативность всегда отсылает к несуществованию, поэтому деконструкция так или иначе стремится концептуализировать несу-

ществование через отрицание онтологии. В то же время деконструкция работает на «полях» этой самой онтологии, поскольку она использует традиционные термины онтологии, паразитируя на них, чтобы выписывать несуществование. Однако язык не поворачивается назвать подобную работу на полях сохранением онтологии, поскольку явный перевес в практике деконструкции все-таки на стороне отрицания [5].

Здесь я поразмышляю именно над этой превалирующей в деконструкции тенденцией к перевертыванию онтологии, чтобы указать на предположительные «пределы» деконструкции, до которых та способна доходить в отмене онтологии. Пределы отмечают нечто такое, что отрицание не может отрицать, и в то же время то, что деконструкция «берет» от онтологии. Предел не означает идентичность каких-то «элементов» деконструкции каким-то «элементам» онтологии, но отсылает скорее к некоему постоянно ускользающему асимметричному соприкосновению, которым отмечена деконструкция относительно онтологии: деконструкция работает над отличием от онтологии, но онтология безразлична к этому различию. В силу этого пределы можно концептуализировать в качестве «сходного» и «подобного», где «сходство» и «подобие» относятся не к тождеству, а к различию. Пределы – не нечто раз и навсегда фиксированное, но саморазливающееся и откладывающееся. Отсюда, видимо, нельзя претендовать на выведение завершенного перечня подобных пределов, а также предлагать для них исчерпывающее формально-логическое определение. Предел – это концепт. Такова специфика «рассматриваемого» здесь «предмета», с которой приходится считаться. О пределах также не получится выстраивать дискурс в однозначной и утвердительной манере, поэтому я вынужден говорить о них лишь в гипотетическом ключе.

«Тексты Деррида» устроены таким образом, что в них отсутствуют какие-либо положения в классическом смысле слова, поэтому и нельзя о них сказать что-то определенное. В то же время эти тексты реализуют вполне конкретную стратегию: «монотонно» [1. С. 65], «систематически и упорядоченно» [1. С. 35] деконструируют онтологию при чтении философских классиков от Платона и Декарта до Гегеля, Гуссерля, Фрейда и Хайдеггера. С этим пафосом деконструкции онтологии написаны ключевые тексты «О грамматологии», «Голос и феномен» и «Диссеминации», а в «Позициях» [1] прописаны вполне определенные «контуры» деконструкции, о которых, в основном, я буду здесь говорить.

В упомянутых работах термин «онтология» используется в качестве синонима «метафизики», «теологии» и «фено-лого-центризму». Пожалуй, наиболее подходящим для поставленной здесь проблемы является именно термин «онтология», который подразумевает постулирование каких-либо философских положений или понятий в качестве неизменных и самостоятельно существующих.

Деконструкция лишает онтологичности привычные философские оппозиции. Хрестоматийным «примером» здесь выступает «архе-письмо» [6. С. 93], фигурой достижения которой является деконструкция. Согласно Деррида, письмо, в контексте онтологической традиции, всегда являлось плохой копией речи, по крайней мере, письмо не могло достигнуть совершенства и полноты смысла, которое, с точки зрения онтологии, якобы было присуще речи. Деконструкция указывает на то, что онтологический приоритет речи

гарантируется вторичностью письма, а значит, речь нуждается в письме, поэтому речь не является первичной. Однако письму также необходимо отличать себя от речи, а значит, оно также зависит от речи. На том основании, что ни один из терминов оппозиции не изолирован от другого, вся пара отрицается, и это «фаза перевертывания» [1. С. 49]. Деконструкция исходит из «необходимости этой фазы» [1] перевертывания, т.е. жестикулирует в направлении неизбежного скольжения от понятия к понятию. Подобный «бег» по цепочке терминов фиксируется в концепте архе-письма, маркирующем сцену, на которой речь и письмо можно задать только исходя из различия между ними. «Исходны» [4. С. 36] не термины оппозиции, но игра различий, разли чае (*diffrance*).

Перевертывание является нередуцируемым аспектом деконструкции. Нельзя найти «текста Деррида», в котором не отрицалась бы какая-либо пара терминов, принадлежащих онтологической традиции. Всегда деконструируется онтологическая оппозиция, состоящая из доминирующего термина (скажем, речь) и зависимого (письмо). Деконструкция выписывает не просто отрицание ведущего термина в пользу подчиненного, но и подчиненного в отношении главного. В результате отрицается не только первый, но и второй термин, а также вся пара. Без неумолимого движения в направлении отрицания онтологических понятий невозможно «мыслить» деконструкцию.

Здесь проступают пределы, которые деконструкцией не деконструируются: в деконструкции все-таки есть нередуцируемый «аспект», а именно, перевертывание, отрицание. Недеконструируемой фазой деконструкции оказывается его ключевая фаза – перевертывание. Но почему необходимость жеста отрицания не является просто-напросто «онтологическим положением» в силу собственной привилегии (даже «первичности») над всеми положениями традиционной онтологии? «Логика» деконструкции подсказывает банальный ответ: нет. Деконструкция производит перформативное отрицание этого вопроса, т.е. деконструирует и ускользает от него. Но если «необходимость» означает, что деконструкция совершается всегда без исключений, то как из факта отрицания частного онтологического понятия / положения вывести эту необходимость? Я не думаю, что деконструкция может решить эту трудность. Из финитного набора кейсов, который выписывает деконструкция, нельзя вывести то, что деконструкция может деконструировать *все*. Подобная универсализация негативности, «вводимая» некритически, маркирует предел деконструкции. В жесте отрицания, *необходимость* которого нельзя «продемонстрировать» в принципе, можно увидеть отголосок онтологической традиции, ведь последняя исходила именно из общих положений, неде дуцируемых из конечного множества случаев.

Конечно, деконструкция не является онтологическим положением, как минимум, в том смысле, что деконструируется фигура автора, полагания и трансляции автором этого полагания через письменный текст. Но разве в той самой «системности» и «монотонности» фазы перевертывания (которые также, по всей видимости, неэлиминируемые) нельзя разглядеть своеобразный аналог того, что требуется от онтологических моделей, а именно, последовательно придерживаться положений, принятых ими однажды в качестве несомненных? Деконструкция вынуждена проводить «системно» и «монотонно»

перевертывание, что роднит (парадоксальным образом – через различие) ее с «последовательностью», предъявляемой онтологией.

В обсуждаемых здесь текстах онтология часто фигурирует под именем присутствия. Стоит заметить, что об онтологии (присутствии) в этих работах «идет речь» в единственном числе, как о синониме европейской философии вообще. В данных текстах деконструируется инстанция единства, и в них же упорно продолжает «вестись речь» об онтологии в единственном числе. Платон, Фома, Декарт, Кант, Гегель, Гуссерль и Хайдеггер объединяются под единой рубрикой онтологии. Подобное тяготение к «видеинию» онтологии (а также мышления, речи, письма, знака и т.д.) как чего-то единого указывает на то, что деконструкции приходится концептуализировать эти классические понятия в качестве каких-то более или менее устойчивых структур, чтобы их деконструировать. Деконструкция не может избавиться от тенденции к концептуализации деконструируемых понятий в качестве «единых» образований. Различные онтологические модели также зачастую конструировали оппонента (делая из него, правда, как правило, предмет критики и преодоления) в качестве некоего обобщенного образа, например, «идеализм», «догматизм», «спиритуализм» и т.д. Деконструкция, «подобно» онтологии, предполагает тот или иной относительно конкретный «образ» перевертываемого понятия или положения онтологии.

Понятие присутствия призвано уточнить, что онтология чаще всего не могла обойтись без введения такого мышления (или субъекта), которое было бы способно само себя до конца мыслить, а затем сознательно выражать себя во внутренней речи, после отражаться во внешней речи и, наконец, находить воплощение в письме. Деконструкция переворачивает эту совокупность позиций, указывая на то, что акт мышления всегда сопровождается внутренней речью, т.е. мышление не является автономно существующим, поскольку нуждается во внутреннем проговаривании [7]. В свою очередь, оказывается, что нельзя провести четкую границу между внутренней и внешней речью хотя бы на том основании, что язык не может быть индивидуальным, а потому внешняя (коллективная) речь определяет внутреннюю, а не только наоборот. Наконец, и письмо влияет на речь в тех случаях, когда, скажем, нормы письма меняют нормы устной речи [8].

Онтологический ряд «мышление, внутренняя речь, внешняя речь, письмо» можно перевернуть, т.е. отрицать на том основании, что его инверсионная иерархия обладает той же степенью обоснованности – «письмо, внешняя речь, внутренняя речь и мышление». Оба ряда получают свое существование друг от друга, а точнее, от «более исходного» различае [6. С. 37], неуловимой переклички различий, игры двух рядов. Деконструкция концептуализируется не в качестве понятия, метода, концепции, но стратегии, отсылающей к скользящей динамике различий, к различае.

Деконструкция, продуцируя близкие себе концепты вроде «археписьма», «различае», прибегает к терминологическому аппарату онтологии. За частую для различае и археписьма используются вполне онтологические термины «исходное» [6. С. 31], «изначальное» [6. С. 140, 199, 230], «первичное» [6. С. 159, 199], «(перво)начало» [6. С. 161, 187, 192], «условие возможности» [6. С. 204] и т.д. Претензия на необходимость, а значит, на некую «первичность» археписьма в отношении онтологии волей-неволей заставляет

думать, что и деконструкцию следует осмыслять «подобно» традиционной онтологии как какую-то более «изначальную» в отношении онтологии практику.

Когда «Деррида рассуждает» о том, чем должна быть такая наука об архе-письме (фигурой, для достижения которой является деконструкция), он придерживается пафоса, характерного для онтологии: подобная наука «не должна быть рядовой гуманитарной наукой» [6. С. 218], т.е. региональной, поскольку ей следует выписать то, что делает возможным все остальные научные дискурсы [6. С. 145, 223], а значит, быть универсальной [6]. Здесь вновь деконструкция, отрицая онтологию, не избавляется от флера универсальности, характерной для онтологии, а, наоборот, «берет» некоторые ее «компоненты», претендуя на своеобразный статус науки наук.

Несмотря на то, что основное внимание здесь было уделено перевертыванию, деконструкция также имеет вторую фазу – производства смысла. «Для деконструктивной деятельности существенно, что негативный импульс не превалирует» [1. С. 146], поскольку «деконструкция имеет утвердительные цели, и ее нельзя сводить только к жесту отрицания» [1]. Таким образом, деконструкция предполагает фазу концептуализации. В этом случае смысл будет не просто понятием смысла, как его понимает онтология, но концептом, который концептуализирует неустойчивый смысл. Однако и в этой фазе реконцептуализации можно разглядеть желание защитить фигуру смысла (пускай и в деконструированном виде), столь ценную для онтологии.

Но наибольшую важность для деконструкции имеет именно ее первая фаза перевертывания. Ее необходимость деконструкцией некритически «постулируется», поскольку перевертывание просто выписывается в процессе чтения ряда текстов. На скольких бы кейсах не срабатывало перевертывание, нет оснований настаивать на его необходимости. В самом перевертывании заложена невозможность окончательного отказа от онтологии, так как отрицаться должно всегда нечто, а не ничто. Деконструкция может работать только на пределах онтологии, полностью не переступая их. Несмотря на некоторые частные заявления о «покидании пределов» [4. С. 28] онтологии, программа деконструкции продолжает зависеть от онтологии, имея неперевертываемые пределы.

Хотелось бы также поразмышлять вот над каким вопросом: что, если предположить, что деконструкция не только паразитирует на письменных текстах (но если исключительно на письменных текстах, то они тоже являются своего рода пределом деконструкции), принадлежащих онтологической традиции, но распространяется и на «вне-текстовую» реальность, то как тогда обустраивать деконструированный быт человека? Отсюда возникает много вопросов. Например, как будет работать общество, скажем, юридическая система, которая не может обойтись без вменения ответственности тому, кто способен полностью мыслить сам себя, т.е. быть тем самым присутствием (или субъектом)? [9]. Следуя деконструкции, ничего не остается, кроме как перестать вменять ответственность людям за их поступки, а также отказаться верить в их слова. В этом случае неясно, как тогда будет функционировать общество. В данном случае нельзя обойтись без фигуры присутствия, которую, видимо, стоит сохранить, пускай и не в традиционной субстанционалистской форме. Разумней провести концептуализацию субъекта, в противном случае у нас нет возможности обустроить фундаментальные области

повседневной жизни, без которой вряд ли возможна какая бы то ни было философия (онтология) и тем более ее деконструкция.

Деконструкцию не стоит торопиться рассматривать в качестве стратегии, которая отменяет онтологию. Разумней сказать, что деконструкция имеет пределы, которые «сближают» ее (через различие) с онтологией. Видимо, онтологию до конца невозможно отменить в принципе будь то практикой деконструкции или какой бы то ни было еще, поскольку такая гипотетическая стратегия так или иначе (явно или скрыто) будет отсылать каким-то образом к положениям и понятиям онтологии.

Список источников

1. Деррида Ж. Позиции / пер. с фр. В.В. Бибихина. М. : Академический проект, 2007. 160 с.
2. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М. : Академический проект, 2007. 495 с.
3. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 608 с.
4. Деррида Ж. Поля философии / пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина. М. : Академический проект, 2012. 376 с.
5. Cisney Vernon W. Deleuze and Derrida. Difference and the Power of the Negative. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. 320 p.
6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н.С. Автономова. М. : Ad Marginem, 2000. 513 с.
7. Деррида Ж. Голос и феномен и другие работы по теории знака / пер. с фр. С.Г. Кашина, Н.В. Суслова. СПб. : Алетейя, 1999. 208 с.
8. Гаспарян Д.Э. Письмо (в) философии Ж. Деррида // Вестник РУДН. 2014. № 3. С. 62–74.
9. Карнеев Р.Р. Проблема пересборки субъекта как способ его концептуализации : дис. ... канд. филос. наук. М., 2023. 238 с.

References

1. Derrida, J. (2007a) *Pozitsii* [Positions]. Translated from French by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
2. Derrida, J. (2007b) *Pis'mo i razlichie* [Writing and Difference]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
3. Derrida, J. (2007c) *Disseminatsiya* [Dissemination]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
4. Derrida, J. (2012) *Polya filosofii* [Margins of Philosophy]. Translated from French by D.Yu. Kralechkin. Moscow: Akademicheskiy proekt.
5. Cisney Vernon, W. (2018) *Deleuze and Derrida. Difference and the Power of the Negative*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
6. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [Of Grammatology]. Translated from French by N.S. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem.
7. Derrida, J. (1999) *Golos i fenomen i drugie raboty po teorii znaka* [Speech and Phenomena and Other Essays on Husserl's Theory of Signs]. Translated from French by S.G. Kashin, N.V. Suslov. St. Petersburg: Aleteyya.
8. Gasparyan, D.E. (2014) Pis'mo (v) filosofii Zh. Derrida [Writing (in) the Philosophy of J. Derrida]. *Vestnik RUDN*, 3, pp. 62–74.
9. Karneev, R.R. (2023) *Problema peresborki sub'ekta kak sposob ego kontseptualizatsii* [The problem of reassembling the subject as a way to conceptualize it]. Philosophy Cand. Diss. Moscow.

Сведения об авторе:

Девайкин И.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, онтологии и теории познания Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (Москва, Россия). E-mail: igor.devaykin@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Devaykin I.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy, Ontology and Theory of Knowledge, Moscow Engineering Physics Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: igor.devaykin@mail.ru; ORCID: 000-0001-8938-9566; SPIN-Code: 6465-7051.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.11.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2025; принята к публикации 24.10.2025*

The article was submitted 20.11.2024;

approved after reviewing 26.09.2025; accepted for publication 24.10.2025